

Судакова Ольга Николаевна

КОНЦЕПТ "СИБИРСКАЯ КУЛЬТУРА" В ТЕОРИИ ФРОНТИРА

В статье автор выявляет структурные компоненты сибирской культуры XVIII-XIX веков. Методологической основой для формирования содержания концепта "сибирская культура" как инструментария культурологического исследования послужила концепция "фронтира" (границы), разрабатываемая зарубежными и отечественными учёными.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 179-183. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

4. Бердяев Н. А. Существует ли в Православии свобода мысли и совести? (В защиту Г. П. Федотова) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/fedotov/berdyayev.html> (дата обращения: 16.01.2011).
5. Быт великорусских крестьян-землепашцев: описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб.: Европейский дом, 1993. 470 с.
6. Гапон Г. История моей жизни. М., 1990. 64 с.
7. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1205. Оп. 7.
8. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 208. Оп. 1.
9. Громько М. М. Мир русской деревни. М., 1991. 269 с.
10. Митрофанов Г., прот. История Русской Православной Церкви 1900-1927 [Электронный ресурс]. СПб.: Сатис, 2002. URL: <http://krotov.info/history/20/1900/mitrofanov.htm> (дата обращения: 16.01.2011).
11. Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1905 г. Вятка, 1905.
12. Попов А. Воспоминания причетнического сына. Вологда, 1913. 334 с.
13. Россия 1913 год: статистико-документальный справочник. СПб., 1995.
14. Садырова М. Ю. Церковь и духовенство в представлениях русского крестьянства в начале XX века (по материалам Среднего Поволжья) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2010. № 120. С. 27-33.
15. Солженицын А. И. Характер русского народа в прошлом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dorogadomj.com/dr066sol.html> (дата обращения: 16.01.2011).
16. «Традиция, Догмат, Обряд» диакона Андрея Кураева [Электронный ресурс]. URL: http://www.holytrinitymission.org/books/russian/tradicion_dogmat_obriad_kuraev.htm (дата обращения: 16.01.2011).

ORTHODOXY IN RUSSIAN PEASANTS' LIFE DURING POST-REFORM PERIOD

Aleksei Vladimirovich Skutnev, Ph. D. in History

Department of Social-Cultural Activity

St. Petersburg Classical University of Trade Unions (Branch) in Kirov

skutnev@mail.ru

The author reveals the place and role of Orthodoxy in Russian peasants' life during post-reform period, by the example of archival documents and published sources studies both negative and positive aspects of the relations between Church and its congregation, and shows that Orthodoxy potential in Russia was very high in spite of all the problems described in traditional historiography.

Key words and phrases: Russian Orthodox Church; mentality; Russian peasantry; post-reform period; Orthodox clergy.

УДК 008.001.5

В статье автор выявляет структурные компоненты сибирской культуры XVIII-XIX веков. Методологической основой для формирования содержания концепта «сибирская культура» как инструментария культурологического исследования послужила концепция «фронттира» (границы), разрабатываемая зарубежными и отечественными учёными.

Ключевые слова и фразы: сибирская культура; теория фронттира; сибирский фронттир; культурные контакты; менталитет сибиряков.

Ольга Николаевна Судакова, кандидат культурологии, доцент

Колледж водного транспорта

Санкт-Петербургский государственный университет водных коммуникаций

kdoscha@hotmail.ru

КОНЦЕПТ «СИБИРСКАЯ КУЛЬТУРА» В ТЕОРИИ ФРОНТИРА®

Концепт «сибирская культура» как инструмент культурологического исследования объективирует различные проблемные поля, к числу которых относится и теория «фронттира». Широкое применение отечественными историками словосочетания «сибирская культура», с одной стороны, свидетельствует о непреходящем интересе историков к проблематике культуры, с другой – о поиске конкретных теорий для её осмысления. Специфичность фронттирной теории и семантическая «гибкость» самого понятия «фронттир» позволили учёным-сибироведам не только адаптировать данную теорию к региональному материалу, но и разработать теорию «сибирского фронттира» [1; 8; 11; 17], расширив, таким образом, диапазон историко-культурологических исследований Сибири. Обращение к теории границы одни исследователи объясняют принципиальным отличием теории фронттира от теории колонизации, ибо первая способствует выявлению процесса становления нового российского сообщества, состоящего из людей с особым менталитетом, а, следовательно, с особой культурой. Другие считают эту теорию своеобразным дополнительным методологическим инструментом концепции колонизации, способствующим выявлению этносоциальных особенностей долговременного взаимодействия русского и

коренного населения Сибири [15, с. 106, 111]. Исходя из сказанного, задача данной статьи - сформулировать содержание концепта «сибирская культура» для применения его в качестве инструментария конкретного культурологического исследования. Материалом послужили работы зарубежных и отечественных историков - А. Д. Агеева, В. В. Алексеева, Н. Ю. Замятиной (Белаш), Д. Я. Резуна, Ф. Дж. Тёрнера, М. В. Шиловского и др., в которых культура фронта получила своё теоретическое осмысление.

Теория фронта в научный мир вошла с именем американского историка Ф. Дж. Тёрнера, изучавшего в конце XIX века процессы расширения Североамериканских штатов [12; 13; 21]. Своим докладом «Роль границы в американской истории», прочитанном на съезде Американской исторической ассоциации в конце XIX века, он постарался не только привлечь внимание к фронтиру как богатому полю исследований, но и показать некоторые его проблемы. Посчитав, что для исследовательских целей термин «фронт» не требует строгого определения, Ф. Дж. Тёрнер первоначально обозначил его как «внешнюю кромку волны – место встречи дикости и цивилизации». Далее по тексту доклада он уточнил, что «фронт» - это «целый пограничный пояс, включающий страну индейцев, и передний край заселённой территории, как она определяется в переписях», т.е. территория с плотностью населения «не менее двух и не более шести постоянных жителей на квадратную милю» [12, с. 3].

Характерной чертой фронта, по мнению американского историка, является его динамическое развитие по схеме «цивилизация-дикость-цивилизация», поэтому каждый раз на фронтальной территории социальное развитие начинается сначала. Вследствие этого фронт надлежит понимать уже как «линию наиболее быстрого и эффективного перехода от европейской культуры к культуре американской». В качестве доказательства такой трактовки фронта Ф. Дж. Тёрнер приводит следующее: «Дикость меняет колониста. Она находит его европейцем по платью, роду деятельности, инструментам, способам путешествовать и образу мысли. Она вытаскивает его из железнодорожного вагона и сажает в каноэ из берёзовой коры. Она срывает с него одежду цивилизации и наряжает в охотничью рубашку и мокасины. Она помещает его в хижину чероки и ирокезов и воздвигает вокруг него индейский часток. Долгое время ему приходится выращивать индейское зерно (*маис* – О. С.) и пахать острой палкой». Таким образом, чтобы выжить в условиях фронта, колонист приспосабливается к чуждой ему окружающей природной и культурной среде. Адаптировавшись, он начинает её преобразовывать, в результате такого социокультурного процесса формируется новое явление – американец, который по своей культуре отличен от европейского колониста, впервые ступившего на землю Америки [Там же, с. 3-4].

Анализ движения границы по территории Америки навел историка на мысль о том, что каждый из хозяйственных типов (мехоторговый, старательский, скотоводческий, фермерский), пройдя последовательными волнами через континент, сформировал субкультуры торговцев, скотоводчиков, старателей и фермеров [Там же, с. 7-8]. Обозначил автор теории и ментальные черты первых носителей американской культуры – это грубость и сила, изобретательность и находчивость, отсутствие «артистичности» и неутомимая энергия, индивидуализм, жизнерадостность и широта души [Там же, с. 24]. Именно культура фронта сформировала наряду с фронтисменом и новую американскую нацию, которую как по характеристикам, так и по своему самосознанию уже не нельзя было назвать английской [Там же, с. 14-15].

Несмотря на то, что фронтальная теория нашла в США и за её пределами как последователей [14; 19], так и критиков [5; 20], для нашего исследования важно следующее: во-первых, Ф. Дж. Тёрнер придал термину «фронт», широко используемому в английском языке, более культурологическое содержание, поставив во главу угла, наряду с экономической и социальной, его культурную составляющую; во-вторых, обратил внимание на то, что продвижение фронта одновременно является процессом, результат которого есть формирование культуры новой личности и нового общества; и, в-третьих, отметил неоднородность культуры фронта в силу влияния на неё места и времени продвижения фронта.

Компаративистские исследования американского и русского фронтов позволили российским учёным сформулировать своё понимание «фронта» в целом и «сибирского фронта» в частности. Например, Т. Г. Лерсарян убеждён, что «русский фронт» есть прочерченная карандашом пограничная полоса, огораживающая поле колонизационного действия [7, с. 15]. Авторы коллективной монографии «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике: XVI-XX вв.» считают, что фронт разделяется на области (зоны) «создания и разрушения, противостояния структур ядра и периферии, которые являются источником социальных перемен» [3, с. 201], т.е. в поле фронта формируются основные тенденции, определяющие дальнейшее развитие осваиваемых территорий. Для московского историка Н. Ю. Замятиной (Белаш), отрицающей понимание «фронта» в качестве границы территории, находящейся под юрисдикцией государства, или же границы территории, открытой его жителями, он есть зона «особых социальных условий» или «зона неустойчивого равновесия» по причине своего «родового признака» - неопределённости, неустойчивости, неустойчивости [6, с. 77]. Культура же фронта, по её мнению, находит своё выражение в ценностях, среди которых наиболее значимая – свобода. Свобода от устоев и традиций, от сословных условностей и даже от своего прошлого. Подобное восприятие свободы детерминирует стихийную демократию, лозунгами которой являются уважение свободы друг друга и защита свободы с оружием в руках. Благодаря этой ценности всё новое в общественных отношениях и повседневности легко воспринимается. Другая ценность – индивидуализм. Данная ценность культуры фронта, как пишет Н. Ю. Замятина (Белаш), сформировала в человеке фронта отвагу, самостоятельность и самоуверенность, тем самым не дав ему одичать и огрубеть. Однако совершение дальних переходов, борьба с неприятелем, раскорчёвка леса и др. требовали объединения усилий, поэтому личное на время отступало перед необходимостью формирования временных коллективов (отряды, ватаги и т.п.). Богатство как ценность культуры фронта было обусловлено практической расчётливостью людей границы. А вот религия как ценностная категория в «индивидуалистской среде слабела», изменяясь в сторону упрощения религиозных обрядов и

институтов [Там же, с. 78]. Таким образом, можно констатировать, что культура «зоны особых социальных условий», среди них историк называет и Сибирь, обладает своеобразным набором ценностей, формирующих человека границы, которые отсутствовали на тот момент в российской культуре XVIII-XIX веков, в частности, свобода и индивидуализм. Следовательно, сибирскую культуру от культуры центральной части России в первую очередь отличает её ценностное содержание.

Другое понимание культуры сибирского фронта находим в работах историков-сибиреведов. Например, А. Д. Агеев, выказывая своё отношение к теории Ф. Дж. Тёрнера, подчёркивал невозможность её применения при создании общей концепции исторического развития Сибири. Однако она не потеряет своего эвристического смысла при изучении конкретной проблемы, в нашем случае сибирской культуры, т.к. фронт это «не локальное явление американского Запада, а феномен капиталистической миросистемы» [2, с. 8, 13]. Индивидуальность «сибирского фронта», по мнению учёного, заключается в его назначении как рубежа и цели – «воспрепятствовать вторжению в пределы империи представителей других народов». Отсюда движение американского «фронта» на запад и русского на восток привело к столкновению их в северной части Тихого океана, вследствие чего возникла граница «цивилизационного разлома» [Там же, с. 14]. По убеждению А. С. Хромых, такая трактовка «сибирского фронта» неверна, ибо место встречи цивилизаций следует называть не «разломом», а скорее «контактной зоной», где происходит обмен разного рода социальным и культурным опытом [15, с. 107]. Автор настоящей статьи считает, что исследователь сделал поспешные выводы, ибо в данном случае А. Д. Агеев говорит именно о «разломе» между американской и российской культурами, исходя из понимания «сибирского фронта» как границы между территориями. Сам «сибирский фронт» не обладает признаком цивилизационного разлома в силу ориентации «славяно-православной» цивилизации на воспроизведение традиционных форм жизни, а не на их модернизацию [2, с. 185].

В одной из своих статей историк обозначил факторы, обусловившие особенность культуры сибирской «подвижной границы» - климат, пространство и капиталы [1, с. 34-35]. В более поздней монографической работе он пишет, что движение русских было также экспансией универсальных культурных систем – религии, языка, форм сознания и восприятия мира. Называет он и время как необходимую категорию культуры сибирского фронта, а также и иной «антропологический субстрат в сравнении с Центральной Россией» в качестве носителя этой культуры [2, с. 223, 244, 249]. Раскроем эти элементы культуры чуть подробнее.

Пространство культуры сибирского фронта, по утверждению А. Д. Агеева, представляет собой узкую, длинную колонну, сдавленную по флангам границами другого государства и естественными препятствиями. Пройдя в XVII веке всю Сибирь, русские люди заселили только лесостепную полосу и берега рек, сходные с теми, где формировалась культура их предков и к которым привыкли они сами. У более поздних переселенцев пространство порождало чувства страха и дискомфорта, отсюда стремление русских крестьян переселяться целыми сёлами. Крестьянские общества жили локально и социально замкнутой, почти самодостаточной жизнью, покоившейся на натуральном хозяйстве [Там же, с. 29, 224]. Движение в пространстве ускоряет не только ритм исторического времени, но и ритм жизни отдельного человека. Время, по мысли А. Д. Агеева, следует делить на динамическое и архаическое. Рамки динамического времени охватывают «меходобывающий фронт» и период золотодобычи. Для основной же массы переселенцев время не делилось на прошлое и будущее, оно было почти неподвижным. Русский переселенец на новом месте как бы стремился его наоборот остановить. Даже обширное пространство слабо влияло на восприятие времени [Там же, с. 223-224]. Несмотря на заметную роль религии (веры) при движении русских на восток, она как категория культуры сибирского фронта, по утверждению историка, представляла собой языческо-христианский синкретизм, где языческое доминировало, а христианское служило лишь оформлением, с одной стороны. С другой - отсутствие регламентирующих правил государства и условностей «цивилизационной жизни», налагающих многочисленные табу, позволило Сибири стать прибежищем специфических религиозных практик, например хлыстовства [Там же, с. 245-246]. Субэтнос сибирского фронта, как считает учёный, есть следствие сохранения многочисленных местных народов, взаимной ассимиляции русского и местного населения путем смешанных браков и др. [Там же, с. 185, 199]. Отметил А. Д. Агеев и ещё одно свойство культуры сибирского фронта – аморфность социальной организации, которая преодолевалась распространением единой централизованной власти на новые территории, что сказывалось на постоянном административно-территориальном изменении деления Сибири (наместничества, провинции, губернии и пр.) [Там же, с. 208].

Таким образом, культура сибирской «подвижной границы» в работах А. Д. Агеева предстаёт как сложное явление, обладающее определёнными категориями и свойствами (пространство, время, вера, язык, социальная аморфность и пр.), сформированными под влиянием конкретных факторов (климат, капиталы), и наличием носителя этой культуры, именуемого сибиряком. Всё это в целом придаёт культуре сибирского фронта особенность и специфичность.

«Сибирский фронт», по утверждению М. В. Шиловского, следует понимать как явление, состоящее из трёх видов: внешнего – по отношению к территориям и этносам; внутреннего – по отношению к народам, оказавшимся внутри него; и внутрицивилизационного – между старожилами и переселенцами. Отсюда каждый вид сибирского фронта обладает своей культурой. Во внешнем фронте она предстаёт в форме культурного контакта между первопроходцами из России и населением, исконно жившим на территории Сибири. Культура внутреннего фронта складывается в процессе огосударствления новых территорий, влекущего за собой вхождение автохтонного населения в состав Российской империи уже в качестве граждан [17, с. 101]. Подобное явление культурантропологами называется «стимулирующей диффузией», при котором воздействие одной культуры на другую, в нашем случае русской – на культуру «инородцев» Сибири, идёт путём стимулирования

творческого процесса у последних, что приводит к созданию нечто нового, но заключающего в себе отголосок чужого [4, с. 50]. Таким «новым» в культуре внутреннего фронта, по мнению историка, является менталитет сибиряков, их самоидентификация и противопоставление себя как «чалдонов» последующим русским переселенцам в Сибирь. Общим результатом постоянного межкультурного взаимодействия русских с автохтонными народами, проживающими внутри колонизируемой территории, стала метисовая культура. Особенностью внутрицивилизационного фронта, по мысли учёного, является его культура, которая складывается посредством межкультурного взаимодействия между сибиряками-старожилами и новыми переселенцами в Сибирь [17, с. 101]. Таким образом, М. В. Шиловский доказывает не только динамичный характер культуры границы, но и выделяет различных субъектов в каждом виде сибирского фронта.

Необходимо отметить также, что, развивая идею о «видах» сибирского фронта в своём диссертационном исследовании, А. С. Хромых предложил называть их «стадиями» фронта, идущими одна за другой [16, с. 3-4, 20-21]. Возможно слово «вид», применённое М. В. Шиловским, не совсем удачное, но оно раскрывает не только содержание культуры сибирского фронта, но и даёт право утверждать, что эти культуры могут быть порождены ситуацией фронта одновременно в тот или иной временной период, а не следовать одна за другой. Примером тому может служить массовое переселение в Сибирь на рубеже XIX-XX столетий, приведшее к культурному контакту как между старожилами и переселенцами, так и между культурами переселенцев и автохтонных народов Сибири.

Обобщённую трактовку сибирского фронта и структурных элементов его культуры предложил Д. Я. Резун. В целом теория «фронта», по его мнению, позволила вывести на первый план изучение этнокультурных и этносоциальных процессов, происходящих в Сибири с конца XVI и до начала XX века [11]. «Сибирский фронт» есть «создание цепи или отдельных относительно быстро сооружаемых и легковооружённых военных пунктов (остроги, слободы, форпосты, погосты, укрепленные деревни и заимки), которые всегда выдвинуты в пограничные земли и отдалены от основных административно-хозяйственных центров (городов) относительно большим расстоянием», пишет учёный [8, с. 76]. Фронт возможен только при встрече двух культур разного уровня цивилизационного развития. Именно такой была встреча русской и аборигенной культур в Сибири. Однако формирование новой этнокультурной общности в Сибири, как это случилось в Северной Америке, не произошло, по этой причине на территории сибирского фронта «проживают просто сибиряки, вне национальных рамок» [10, с. 3]. В отличие от А. Д. Агеева, среди факторов, повлиявших на формирование культуры сибирского фронта, Д. Я. Резун выделил климат, рельеф, пространство, исторический фон [9, с. 7-8]. При этом в его работах нет чёткого обоснования того, что является историческим фоном. Обозначил историк также макро- и микросистемы, в которых складывалась культура сибирского фронта. Макросистема – субпространство Сибири, а микросистема – это зона слабозаселённой и малообжитой земли, лежащей на рубеже двух этнополитических и хозяйственных зон русского и коренного населения [8, с. 76].

Анализируя статьи и монографии сибиреведов А. Д. Агеева, М. В. Шиловского, Д. Я. Резуна, автор пришёл к следующим выводам: во-первых, «сибирский фронт» в работах названных авторов носит скорее характер дискурса, чем сложившегося понятия, и как следствие этого имеют место различные его трактовки. Во-вторых, концепция фронта способствовала, наряду с экономическими и политическими аспектами, выделению социально-культурного фактора, обосновывающего своеобразие сибирской культуры. В-третьих, носителями культуры сибирского фронта, по убеждению всех исследователей, являются сибиряки как социокультурная общность, обладающая определёнными ментальными чертами, способствующими формированию сибирской культуры как целостного феномена, но не сложившаяся в «сибирскую нацию». В-четвёртых, выделенные историками структурные элементы культуры сибирского фронта позволяют автору статьи сформулировать понятие «сибирская культура» в контексте теории «границы».

Сибирская культура – это открытая система, сложившаяся в результате культурных контактов между автохтонными народами Сибири и представителями различных этнических групп, переселяющимися (вольно или невольно) на территорию региона. Ядром этой системы выступает менталитет «антропологического субстрата», отличный от российского в целом, но объединяющий в единую социокультурную общность – сибиряков – представителей различных социокультурных общностей (казачество, старообрядцы, купечество и др.) и этносов (русские, поляки, немцы, евреи, буряты и пр.). Константами сибирской культуры, детерминированными ситуацией фронта, являются культурный контакт, климат, пространство, время и миграционные процессы.

Список литературы

1. Агеев А. Д. Американский «фронт» и «сибирский рубеж» как факторы цивилизационного разлома // Американский и сибирский фронт. Томск, 1997. Вып. 2. С. 30-36.
2. Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтов. Иркутск: ИГУ, 2002. 294 с.
3. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике: XVI-XX вв. / под ред. В. В. Алексеева, Е. В. Алексеева, К. И. Зубкова, И. В. Побережникова. М.: Наука, 2004. 600 с.
4. Артановский С. Н. На перекрёстке культур и цивилизаций: исторические формы общения народов: мировые культурные контакты, многонациональное государство. СПб.: СПбГАКИ, 1994. 204 с.
5. Болховитинов Н. Н. О роли «подвижной границы» в истории США // Вопросы истории. 1962. № 9. С. 57-74.
6. Замятина (Белаш) Н. Ю. Зона освоения (фронт) и её образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75-88.
7. Лерсарян Т. Г. Бескрайняя равнина конца времён [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2002. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_03.html (дата обращения: 12.04.11).
8. Резун Д. Я. Быть тут острогу и слободе // Родина. 2000. № 5. С. 76-78.

9. Резун Д. Я. Предисловие // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 7-8.
10. Резун Д. Я. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв.: общее и особенное. Новосибирск: РИПЕЛ, 2005. 130 с.
11. Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. 193 с.
12. Тёрнер Ф. Дж. Роль границы в американской истории [Электронный ресурс] / пер. В. Е. Борисова. URL: <http://www.historians.org/pubs/archives/turnerthesis.htm> (дата обращения: 18.09.11).
13. Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / пер. с англ. М., 2009. 304 с.
14. Тойнби А. Постижение истории / пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. 606 с.
15. Хромых А. С. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 4. С. 106-111.
16. Хромых А. С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVIII века в свете теории фронта: дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 220 с.
17. Шиловский М. В. Фронтир и переселения: сибирский опыт // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 101-118.
18. Штопов Б. М. Европейские исследования Сибири: рецензия // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 208-211.
19. Billington R. A. America's Frontier Heritage. Albuquerque, 1991.
20. Limerick P. N. Trails: towards a New Western History. Lawrence, 1991.
21. Turner F. O. The Frontier in American History. New York: Henry Holt and Co., 1920. 293 p.

“SIBERIAN CULTURE” CONCEPT IN FRONTIER THEORY

Ol'ga Nikolaevna Sudakova, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
College of Water Transport
St. Petersburg State University of Water Communications
kdoscha@hotmail.ru

The author reveals the structural components of the Siberian culture of the XVIIIth-XIXth centuries. The methodological basis for the content formation of the concept “Siberian culture” as a cultural research tool is the concept “frontier” (border), developed by foreign and native scientists.

Key words and phrases: Siberian culture; frontier theory; Siberian frontier; cultural contacts; Siberians' mentality.

УДК 347.45/47

Настоящая статья посвящена исследованию специфики правового регулирования отношений из договора финансирования под уступку денежного требования. Рассмотрены особенности содержания обязательства из данного договора посредством анализа отдельных прав и обязанностей сторон договора. На основе проведенного исследования предлагается авторское решение по ряду проблемных вопросов толкования и пути совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова и фразы: договор финансирования под уступку денежного требования; финансирование; обязанности финансового агента; обязанности клиента; солидарная обязанность; признание к исполнению обязанности в натуре; мера защиты гражданских прав; гражданско-правовая ответственность; недействительное денежное требование; будущее требование; оборотный факторинг; обеспечительная уступка; безвозвратность.

Диана Валерьевна Федулова
Кафедра гражданского права
Юридический институт
Томский государственный университет
dianaf@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОДЕРЖАНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЗ ДОГОВОРА ФИНАНСИРОВАНИЯ ПОД УСТУПКУ ДЕНЕЖНОГО ТРЕБОВАНИЯ[©]

Права и обязанности сторон составляют содержание любого договорного обязательства, в том числе и обязательства по договору финансирования под уступку денежного требования.

Исходя из ст. 824 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), основной обязанностью финансового агента является передача денежных средств – непосредственно финансирование (кроме реальных договоров, в которых осуществление финансирования является условием заключения договора). Понятие финансирования означает выделение денежных средств на что-либо как с целью получения прибыли (инвестирование), так и без этой цели. В «Большом экономическом словаре» термин «финансирование» определяется как «метод предоставления денежных средств для безвозвратного, окончательного расходования